

«Дима стал вторым человеком, который на третий день знакомства предложил мне выйти за него замуж. Ему я тоже ответила «да»

ТЕТ-А-ТЕТ

бытную «униформу». Самое смешное, что героиня научила меня и в жизни носить короткие юбки, а черные вещи заставляла постепенно заменить на цветные.

— *Это единственное, что изменилось в вашей жизни с появлением «Няни»?*

— О нет. Съемки перевернули мою, казалось, размеренную жизнь с ног на голову. Предполагала, что новая работа будет начинаться утром и заканчиваться часов в 6—7 вечера, а после этого буду предаваться маленьким семейным радостям. Как я ошиблась! Первый же съемочный день начался в 8 утра, а закончился в 4 часа ночи. Я тогда подумала: «Господи, если так будет каждый день, как же это выдерживать?!» Благо до утра мы снимали еще только раз. Обычно съемки заканчиваются в 10—11 вечера. Когда стало понятно, что в таком режиме мне придется находиться еще по меньшей мере год, я приняла трудное для себя решение — оставить работу в театре. Не думаю, что мой уход принес театру какие-то глобальные неприятности. ведь я не была в нем очень сильно занята. Только, ради бога, не подумайте, что во мне говорит какая-то обида. У меня просто такой подход к жизни. Получается что-то в профессии — отлично, не получается — ничего страшного. В жизни масса всего интересного и масса областей, в которых ты можешь быть полезен и незаменим.

— *Когда вы собирались стать актрисой, предполагали, что в будущем если не легко, то спокойно расстанетесь с театром, тем более с такой престижной площадкой, как «Табакерка»?*

— Начнем с того, что я и предполагать ничего не могла. Я окончила школу в Астрахани и поступила в Астраханский пединститут на исторический факультет. Извините за каламбур, но я мечтала стать актрисой, при этом и не мечтая ею стать. Моя мама — актриса, папа — режиссер. Я прекрасно понимала все сложности актерской профессии, всю ее зависимость от случайностей, от режиссера, от везения...

Поэтому и испугалась поступать в театральный. Однако весь свой первый год на историческом факультете я никак не могла избавиться от мысли, что занимаю чужое место. И, уже готовясь к летней сессии, все-таки решила ехать в Москву пробоваться в театральный институт. Мне было все равно, поступлю или нет. Хотела только услышать одно из двух: «Девушка, вы бездарность. Уходите» или: «Вы очень талантливы, мы вас так ждали». На помощь пришел папа. Он поехал со мной в Москву. Маме было сказано, что я уезжаю на практику в археологическую экспедицию, а папа — в срочную командировку. Папа в меня очень верил и считал, что я непременно поступлю. Он буквально заразил меня верой в себя. Можете себе представить, что стало со мной, когда в списках прошедших первый тур в ГИТИСе моей фамилии не оказалось?! Я набрала воздух в легкие, а выдохнуть не могла... В общем, засобиравшись я назад — в Астрахань. В конце концов я ведь услышала то, что хотела. Но тут вмешался папа. Два дня он со мной боролся, убеждал, что я должна вырабатывать в себе бойцовские качества... В итоге я пошла на прослушивание в Школу-студию МХАТ и в «Щуку». Но ГИТИС продолжала обходить стороной. Тогда папа сказал: «Знаешь, свой страх перед этим вузом ты все-таки должна преодолеть. Сейчас ты пойдешь и попросишь, чтобы тебя выслушали». — «Папа, ты что?! Третий тур заканчивается. Кто со мной будет разговаривать?!» Но отец вновь оказался прав. Для того чтобы себя потом уважать, многие вещи надо делать через «не могу» и «боюсь»... В ГИТИСе я с трудом уговорила замечательного педагога Владимира Наумовича Левертова, который меня прослушивал на первом туре, выслушать меня еще раз. Послушав очередной отрывок, он схватил меня за руку и сказал: «Пойдемте со мной». Привел в аудиторию, где Людмила Касаткина и Армен Джигарханян оценивали наиболее перспективных абитуриентов. Я начала читать свои от-